

РЕЦЕНЗИИ

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ НАУКИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Предлагаемая вниманию читателей рецензия типа review article мотивирована первым номером двадцатого тома международного журнала по изучению русского языка *Russian Linguistics* (Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1996, 200 pp.).¹ В этом юбилейном номере предпринималось дать обзор развития языковедческой русистики² в разных странах мира в последнее десятилетие, что вполне необходимо в ситуации, возникшей после прекращения противостояния Запада и Востока. Хотя так открылись перспективные возможности сотрудничества, все-таки различия в традициях и барьеры практического характера остались. Поэтому, по мнению редакторов журнала R. Comtet³, A.G.F. van Holk и W. Lehfeldt (с. 1), особенно желательно более тесное взаимное знакомство с результатами мировой русистики. Интересно отметить, что стремлению к международному обмену мнениями при изменившихся условиях большое внимание уделяется и в новом российском журнале русского языка "Русистика сегодня" (см. рецензию на его первый номер: Lehfeldt 1995).

Естественно, что рассматриваемый номер журнала *Russian Linguistics* не может претендовать на полноту обзора всемирной русистики. Тем не менее, он достаточно представителен. После первой статьи, в которой (с. 3–14) Ľubomír Ďurovič рассказывает о возникновении идеи издавать независимый журнал, посвященный исключительно изучению русского языка, о его основании в Австрии в 1974 г. профессором А.В. Исаченко, заполнившим должность глав-

¹ Я выражаю благодарность за критическое чтение рецензии и внесенные коррективы Э. Саламин и Т.В. Веракше.

² Далее языковедческая русистика будет упоминаться только как русистика.

³ Автор этой рецензии придерживается встречаемого в журнале метода написания имен собственных, т.е. имена латинского шрифта не транслитируются кириллицей.

ного редактора до кончины в 1978 г., а также о проблемах в связи с составом редколлегии, об отрицательной реакции советской русистики и о кризисе, наступившем после первых успешных лет, описывается (обычно на фоне прошлого) современное состояние науки о русском языке в 23 странах – кроме России (Ю.Н. Караулов, 89–103)⁴, в 18 европейских: в Норвегии (J.I. Bjørnflaten, 15–23), в Швеции (I. Maier, 25–29), в Финляндии (H. Tommola – A. Mustajoki, 31–45), в Дании (J. Nørgård-Sørensen, 47–51), в Соединенном Королевстве (I. Press, 53–60), в Чехии (J. Stiessová – S. Čmerjaková – P. Adamec, 61–63), в Венгрии (F. Papp, 65–69), в Румынии (S. Vaimberg, 71–75), в Болгарии (С. Димитрова 77–82), в Эстонии (А.С. Дуличенко 83–88), в Нидерландах (J. Schaeken 131–139), в Бельгии (K. Blansaer, 141–148), во Франции (R. Comtet, 149–155), в Италии (G. Ziffer, 157–161), в Испании (M.S. Puig – T. Drozdov Díez, 163–169), в Германии (W. Lehfeldt, 171–183), в Австрии (R. Rathmayr, 185–192) и в Швейцарии (D. Weiss, 193–195), в 3 азиатских: в Китае (Z. Dong – D. Wang, 105–113), в Южной Корее (P. Chun-Eun, 115–120) и в Израиле (W. Moskovich, 197–200), а также в США (A. Timberlake, 121–130).

В данной рецензии я стараюсь назвать некоторые характерные черты современной русистики, конечно, не по континентам, а страны сгруппированы по (бывшему) статусу русского языка среди преподаваемых языков в системе образования, потому что именно такой статус повлиял в большой мере и на научное изучение русского языка – русистику. Во втором разделе будет охарактеризовано ее положение в России, в третьем – в некоторых бывших восточных (в политическом смысле слова) странах Европы, а в четвертом – в Западной Европе и США. Такое структурирование частных русистик служит поводом для меня, чтобы в первой части четвертого раздела указать – помимо политического – на факторы иного характера, определяющие возможности преподавания и исследования русского языка, и во второй части четвертого раздела, находясь тогда в условиях их сравнимости, подробнее размышлять о русистике

⁴ Здесь и далее при ссылках на обзоры частных русистик указаны авторы и местонахождения отдельных статей.

в более широком контексте не только славистических, но и общелингвистических исследований, о ее желательном соотношении с последними изысканиями.

2. Рассмотрим сначала русистику в России – в стране, в которой изучение русского языка представляет собой национальную науку. Именно поэтому оно делится на три направления: помимо фундаментальных исследований, оно проводится с целью как преподавания русского языка в качестве родного, так и обучения ему в качестве неродного. Вместе с этими тремя внешними подходами к русскому языку Ю.Н. Караулов (с. 89) выделяет три внутренних: язык как система, как совокупность текстов и "как способность, присущая человеку, как неотъемлемое свойство *homo sapiens*, реализуемое им в текстах, обладающее системными качествами, отражающее национальную культуру и включающее этнопсихологические особенности говорящих".⁵ Итак, современную русистику можно охарактеризовать в общих чертах пересечением внешних и внутренних подходов.

Направляя читателей за намного большими сведениями к принципиально новому изданию энциклопедии "Русский язык", которое должно увидеть свет в 1996 г., в дальнейшей части своего обзора Ю.Н. Караулов (с. 91–100) коротко описывает следующие основные области исследований:

1. историю языка, включая историческую лексикографию,
2. изучение русских народных говоров,
3. теорию и практику русской лексикографии,
4. современный русский язык,
5. стилистику и
6. источниковедение и лингвистическое издание памятников письменности.

В своей рецензии я хочу обратить внимание лишь на лексикографию современного русского языка. Ю.Н. Караулов думает (с. 95), что разнообразие вновь появляющихся словарей нового типа подтверждает высказанную им несколько лет назад идею о лексикографиче-

⁵ В лингвистической литературе известно несколько противопоставлений (дву- или трехчленных) внутри общего понятия языка, см.: Арутюнова 1990.

ской параметризации, т.е. об ословаривании результатов лингвистических исследований. Эту тенденцию отражает более или менее и раздел (с. 100–103), в котором актуальное теоретическое состояние русистики характеризуется с помощью наиболее отчетливо определившихся методологических программ – комплексов идей, касающихся сущностных свойств языка и составляющих целостную концепцию. Ведь – помимо методологических программ "Теория функциональной грамматики" (А.В. Бондарко)⁶, "Лингвистическая поэтика" (В.П. Григорьев), "Историческое словообразование русского языка" (И.С. Улукханов) и "Логический анализ языка" (Н.Д. Арутюнова) – даются краткие сведения о трех концепциях, которые ориентированы и на составление словарей. С методологической программой "Русский язык и языковая личность" (Ю.Н. Караулов) связано построение ассоциативно-вербальной сети русского языка, репрезентирующей языковую способность. В рамках "Интегрального описания языка" разрабатывается принципиально новый синонимический словарь. Методологическая программа "От системы в лексике к системе в грамматике" (Н.Ю. Шведова) направлена на создание словаря идеографического типа, в котором "лексика каждой части речи структурирована с помощью "лексических деревьев", построенных для определенных семантических классов" (с. 96). К тому же, из трех других, лишь названных Н.Ю. Карауловым методологических программ две представляют собой лексикографически релевантные: "Русская мотивология" (О.И. Блинова), которая "делает объектом лексикографирования мотивационные отношения в лексике в интерпретации носителей диалектной речи" (с. 95), и "Русский глагол: словарное представление" (Э.В. Кузнецова – Л.Г. Бабенко).

Итак, имея в виду широкий диапазон лексикографических проектов и их высокопропорциональность среди исследовательских программ, значение этой дисциплины в российской русистике трудно переоценить.

3. В этом разделе моей рецензии речь пойдет о состоянии науки о русском языке в Чешской республике, Венгрии, Румынии и Германии (конечно, в той части воссоединенной Германии, которая

⁶ В скобках указаны руководители названных программ.

раньше называлась ГДР). Кардинальные и глубокие изменения во всех сферах общественной действительности после 1989-го года резко повлияли и на статус русского языка как учебного предмета. Возможность свободного выбора иностранного языка в школах привела к уменьшению удельного веса русского языка. Этому сопутствовала необходимость сокращения числа вузовских преподавателей (ср.: Papp, 65; Lehfelddt, 172-173).

Что касается научного профиля русистики в названных странах, то из традиционных исследований, охватывающих разные аспекты истории, системы и функционирования русского языка, как особенно характерное – но это вполне естественно – можно выделить **контрастивное его изучение**, которое и в настоящее время не теряет значения. А из актуальных изысканий, реагирующих на сложившуюся обстановку, надо упомянуть **описание новых терминосистем**, напр., экономики, банковского дела, маркетинга и менеджмента, опять же часто в сопоставительном плане да и с дидактической целью (см., напр.: Petuhova 1994).

Еще один момент, важный с точки зрения как педагогической деятельности, так и научных исследований. В указанный критический период надо было редуцировать огромное преобладание русского языка в рамках славистики в пользу других славянских языков (см.: Lehfelddt, 172). Об этом необходимом процессе свидетельствует соединение кафедры русского языка с кафедрой славистики в Оломоуце (Stiessová-Šmerjaková-Adamec, 62) и создание новых кафедр славистики в бывшей ГДР, причем новые профессора нередко являются славистами, вышедшими из университетов "старой" ФРГ (с. 173). Также была оформлена Кафедра славянской филологии с болгарским, сербским и украинским отделениями в рабочем месте автора данных строк, в Сегедском университете (Венгрия) на базе научного потенциала работников бывшей кафедры русского языка и литературы, отличающейся сильной ориентацией на сравнительно-историческое языкознание и кадрами, изучающими и другие славянские языки. Есть основания надеяться, что выпускники, владеющие не одним славянским языком, поступят на рынок рабочей силы с хорошими шансами.

Небезынтересно заключить этот раздел цитатой, демонстрирующей своеобразное, несколько отличающееся от вышеописанного, положение русистики в Болгарии: "Меняя свою форму и содержание, они [русско-болгарские культурные связи] не перестают быть важным фактором духовной и социальной жизни страны. Это внеязыковое обстоятельство, наряду с чисто научными соображениями, способствует тому, что русистика в настоящее время является ведущей областью в рамках болгарских славистических изысканий" (с. 77).

4.1. Современное состояние русистики не менее сложно в Западной Европе и США. Во второй половине 80-х годов, в эпоху горбачевской политики перестройки и гласности интерес к русскому языку вырос на Западе, что считалось обнадеживающей тенденцией. Однако в наше десятилетие во многих странах число желающих изучать русский язык в средних школах и вузах снижается. Об этом сообщают авторы, пишущие о русистике в Нидерландах (однако, если принять во внимание суммарное число студентов последних двух десятилетий, число поступающих в 1993 г. – фактически среднее (с. 131)), во Франции (с. 152), в Италии (с. 157), в западной части воссоединенной Германии (с. 173), в Австрии (с. 187), а также в США (падение не нетипично до 50% по сравнению с пиком в 1989–1990 учебном году (с. 122)). Из-за своеобразия системы высшего образования в Соединенном Королевстве точное общее число студентов-русистов неизвестно. Тем не менее в основном оно несомненно сокращается и некоторые считают ситуацию ухудшающейся (с. 54). В то же время интересно отметить, что есть и западные страны, в которых нет этого международного феномена – (резкого) спада. В Швейцарии "число студентов удерживается примерно на том же уровне, как и 5 лет тому назад" (с. 193). А что касается Норвегии, хотя число изучающих русскую филологию немного меньше, чем в начале 90-х годов, "пока нет обстоятельств, которые указали бы на резкий спад интереса к русскому языку в ближайшее время" (с. 22). Наоборот, исторические обстоятельства и географическое положение содействовали созданию понятия "Баренцев регион" со стороны норвежского правительства как регион особого сотрудничества между Норвегией, Россией, Швецией и Финляндией на севере (с. 20).

Что же касается вузов Финляндии, то в Хельсинки такой большой конкурс поступающих, что в последние годы на одно место приходится пять человек (сн. 3 на с. 41).⁷

Причиной снижения интереса к русскому языку в школах и вузах можно назвать, в первую очередь, теперешнее российское экономическое и социальное положение. Однако, с одной стороны, как это было упомянуто выше о Швейцарии, оно не обязательно влияет отрицательно. С другой стороны, в статье А. Timberlake-a (с. 124) в качестве объяснения ситуации в США излагается, что – после драматического редуцирования напряженности между Востоком и Западом в результате разрушения Берлинской стены – русское общество и культура далее не рассматриваются как экзотические и угрожающие, что ранее мотивировало интерес к русскому языку. Следует отметить, что в США учебные программы еще не модифицированы с учетом новых практических задач, напр. вступить в контакты в сфере бизнеса с бывшими советскими государствами на русском языке. Ср. сказанное выше об исследовании новых терминосистем, а также тот факт, что в Бельгии вузы, выпускающие переводчиков, приняли больше студентов русского языка, чем славистические кафедры⁸ университетов (с. 141).

Сокращение числа студентов не могло бы наступить в более плохое для профессии время. Ведь в конце 80-х годов экономическое развитие прекратилось на Западе. Секторы хозяйства, не производящие прибыль, в частности учреждения образования, начали располагать меньшими материальными средствами из государственного бюджета. Решения о деньгах, адресованных этой области, в возрастающей мере принимаются под давлением рынка, т.е., напр., в зависимости от количества поступающих в вузы. В связи с этим планируют еще дальше уменьшить небольшие преподавательские составы славистических отделений, напр. в Нидерландах (с. 136) и в Бельгии (с. 145). Ради справедливости I. Press (сн. 2 на с. 60) заме-

⁷ В связи с Швецией, Данией, Бельгией и Испанией цифры относительно изменения числа студентов после горбачевского перестроечного периода отсутствуют в соответствующих статьях.

⁸ На Западе обычно бывают как раз кафедры славистики, а не русистики. Об этом более подробно будет идти речь ниже.

чает, что в университетах Соединенного Королевства не только русский язык находится в нехороших условиях, даже пропорция "студент-преподаватель" благополучнее в случае русского языка, чем других.

Замечание I. Press-а дает повод взять следующий фактор, определяющий кризисное состояние русистики. А. Timberlake (с. 124) утверждает, что русским студиям не благоприятствует и общее положение гуманитарных наук: существует безразличие к последним. Что касается изучения иностранных языков, то оно американскими студентами считается неважным, почти нет места на Земном шаре, где было бы возможно не употреблять английский язык в профессиональном общении. А. Timberlake (с. 125) называет еще один достойный внимания фактор – научно-философский вызов употребления универсалистской методологии и применения универсальных моделей к частным явлениям, напр. к русскому языку и литературе. Однако он оказывает неоднозначное влияние на русистику. С одной стороны, таким способом могут быть выявлены структуры, которые по-другому не дали бы знать о себе, а с другой, необходимость быть теоретически свежим может направить внимание ученых как раз на аспекты, которые интерпретируемы с помощью всеобщих моделей. Универсализм имеет свой эффект в издательском деле. Стало нерентабельным для издательств публиковать труды, посвященные исключительно, напр., русскому языку. Но если работа сочетает анализ славянских языков и универсалистский угол зрения, издательство может предпринять ее напечатание. Я утверждаю это, имея в виду монографию Franks-а (1995), которая из-за своей научной ценности, образцового соединения двух направлений должна стать объектом нашего рассмотрения ниже.

4.2. Перейдем к характеристике научного профиля русистики на Западе. Конечно, здесь нет места, даже не стоит суммарно повторять оригинально суммарные описания исследований. Автору данной рецензирующей статьи хочется выделить лишь два момента, которые можно считать менее характерными для восточной русистики, чем для западной, и поэтому в большей мере поучительными ученым бывшего социалистического лагеря, где до недавнего времени изучение русского языка было мотивировано главным образом

его статусом обязательного учебного предмета. В изменившихся условиях – вместе с новыми практическими вызовами – эти два момента могут ориентировать будущую работу в нашей области – при проведении русистических исследований, а также при обучении русистике.

Во-первых, на основе чисто научных соображений – в полном согласии с одной из целей нового российского журнала "Русистика сегодня" (Lehfeldt 1995: 392) – желательно, чтобы изучение русского языка проводилось в теснейшей связи с изучением других славянских языков. При этом оно может обладать первенством. Таким образом, русистика находит свое естественное место в славистике. Раньше на Востоке она приобрела почти исключительность, остальные славянские языки по сравнению с русским имели подчиненную позицию с точки зрения как исследования, так и преподавания (не считая, возможно, национальные языки славянских стран). Сосуществование славянских языков организационно может отражаться в нахождении кафедр славистики. Для Запада характерно именно это, но не исключительно. Из замечания Н. Tommola и А. Mustajoki (с. 32) выясняется, что от такого славистического профиля многих других западных стран отличается Финляндия: там чаще всего встречаются кафедры русского языка, а в Хельсинкском университете – по историческим и географическим причинам – есть кафедры русского языка и славянской филологии. Важно подчеркнуть, что сосуществование славянских языков предполагает объединяющий подход к этим разным языкам, в организационном плане – кафедры славистики/славянской филологии, а не только кафедры славянских языков, на которых преподавание этих языков ведется независимо друг от друга и о которых говорят во Франции (см. с. 152). А что касается нынешней вузовской ситуации на бывшем Востоке, то о ней уже шла речь выше, в разделе 3.

Сказанное об организационной стороне нашей профессии, наверное, подтверждается и на рынке. В связи с этим ср.: чтобы слависты-лингвисты имели "хороший сбыт", О.Т. Yokoyama (1994: 194) считает нужным сохранить требование кафедр славистики США к студентам, заключающееся в изучении еще одного славянского языка кроме русского.

Во-вторых, русистика должна быть теснейшим образом связана не только с славистикой, но и с общим (теоретическим) языкознанием. В нынешние дни неоднократно было указано на необходимые связи частных лингвистик отдельных языков и групп языков с общей лингвистикой. В первую очередь, можно сослаться на мнение (Yokoуama 1994: 192), согласно которому славист должен стремиться к более полному ознакомлению с общелингвистическими теориями, тогда как специалисты по общему языкознанию, занимающиеся славянскими языками, должны познакомиться с традициями славянской филологии. Более резко можно сказать следующее: изучать отдельные языки и группы языков стоит только под углом зрения общего языкознания (ср.: Grenoble 1995: 1; Kiefer 1996: 57, 60). Еще в несколько иной формулировке: данные языков интересны лишь по мере того, как они представляют собой проблему для выдвинутых раньше теорий языка (Kornai-Kálmán 1991: 149). Значит, если своими работами, содержащими данные славянских языков, исследователи хотят вызвать интерес у специалистов по общему языкознанию, им необходимо иметь в виду, что это во многом зависит от оформления и теоретической "упаковки" их мыслей.

С такой точки зрения эксплицитное установление противоположных тенденций в немецкой русистике воссоединенной Германии (с. 174–175) является весьма важным. Вместе с тем, что русистика "старой" ФРГ с большим вниманием обращается к советской/российской русистике, она – в отличие от односторонней зависимости от советской науки, наблюдаемой во многих работах ученых бывшей ГДР⁹ – в немалой степени отражает общелингвистические идеи. Таким образом, представители синхронной русистики "старой" ФРГ в определенной мере выполняют роль посредника между двумя языковедческими лагерями, т.е. направлениями в Западной Европе, в США и в СССР/России. Это, конечно, не значит, что в ГДР не было ученого такого формата. В этом отношении следует назвать Р. Ружицку (R. Růžicka).

⁹ Кстати, такая односторонность также отмечается в связи с китайской русистикой (с. 113).

В то же время нельзя забывать о том, что – кроме обобщающих обзорных монографий-справочников, а также энциклопедий и терминологических словарей – единого (общего/теоретического) языкознания не существует. Как для математики и медицины, для лингвистики характерна большая специализация (имеется в виду не специализация по конкретным языкам), в результате которой специалисты по отдельным дисциплинам, допустим, по фонетике, семантике/прагматике, психолингвистике и вычислительной лингвистике, не обязательно понимают друг друга (Kiefer 1996: 57; Kornai-Kálmán 1991: 152–153). Состояние современного языкознания осложняется еще плюрализмом – обилием направлений и школ.

Из универсальных теорий языка мне хочется привлечь внимание русистов/славистов лишь к **трансформационно-генеративной грамматике (ТГГ)** по следующим причинам. Пока, напр., интегральное исследование русского языка в духе системной лексикографии было упомянуто в разделе 2, а также теория "Смысл=Текст" И.А. Мельчука была связана с советской русистикой и поэтому можно считать обязательством русистов знакомство с ней (ср. еще сборник его избранных работ – Мельчук 1995), ТГГ почти полностью выпала из поля зрения русистов/славистов, потому что она казалась неудовлетворительной в двух планах: и в идеологическом (особенно на Востоке), и в лингвистическом. О диалектико-материалистических и советских возражениях нечего сказать. А что касается несоответствия ТГГ характеру славянских языков, то я считаю утверждение, согласно которому "китайские русисты достигнут еще больших успехов, если они ближе познакомятся с трансформационной теорией западных лингвистов" (Dong-Wang, 113), верным и в отношении мировой русистики. И первое ознакомление с ее новыми достижениями уже возможно на русском языке благодаря тому, что начали публиковать перевод лекций, прочитанных Н. Хомским в 1987 г. в Университете Манагуа и адресованных аудитории, не имеющей специальной подготовки в области генеративной лингвистики (Хомский 1995–1996). Оно является многообещающим тем более, что после разъединения интереса славистики и ТГГ (хотя и их прежние встречи породили такие важные для русистики работы, как, напр., Папп 1968 и Růžicka 1980) – с установлением противопостав-

ления конфигуративности/неконфигуративности структуры предложения и с выдвижением гипотезы параметрического варьирования общих принципов в языках мира – наступила возможность включения раньше не рассмотренных языковых данных, в том числе данных славянских языков, в генеративное теоретизирование (в связи с этим ср. слова L. H. Babby в предисловии к упомянутой выше книге Franks-a). Одной из поставленных целей монографии Franks-a является именно то, чтобы показать, какой ценный источник для ТГГ представляет собой интересующая нас группа языков (с. vii). С ее помощью можно тестировать и уточнить теоретические положения. Но не менее важна другая цель предложенных автором исследований языков из этой группы в терминах ТГГ: порождающие концепции должны были бы помочь славистам в том, как анализировать грамматические проблемы славянских языков (с. vii). Как с точки зрения теоретической лингвистики, так и с прикладной точки зрения обучения иностранным языкам важно подчеркнуть еще то, что обновление ТГГ делает возможным принципиально новое сравнительное изучение славянских и неславянских языков.

Вместе с тем не следует думать, что нынешнее изучение русского языка в духе ТГГ ведется только в США. Здесь можно указать на статьи Dippong-a (1995) и Junghanns-a (1995), прочитанные на II-й Встрече молодых славистов (Leipzig, 1993) и на некоторые доклады I-й Европейской конференции "Формальное описание славянских языков" (Leipzig, 1995) (о конференции сообщают D. Fehrmanн и U. Junghanns (1995)).¹⁰ Что касается венгерской русистики, то можно упомянуть лекции профессора L. Hunyadi и автора данных строк в учебной программе Дебреценского и Сегедского университетов соответственно (см. еще: Hunyadi 1991).¹¹

¹⁰ Конечно, не все участники обоих мероприятий используют теоретические рамки ТГГ, а на них был представлен более широкий диапазон последних исследований в области славянского языковедения.

¹¹ Я считаю своим обязательством обратить внимание на не учтенные в этой рецензии проблемы славянских языков, требующие социолингвистического теоретизирования (об этом направлении исследований см.: Yokoyama 1994 и особенно Grenoble 1995).

5. В качестве заключительных слов я хочу выразить свое убеждение, что данный номер журнала *Russian Linguistics* будет интересным и полезным не только потому, что он познакомит читателей с современным положением и неоднородными традициями русистики, но и потому, что он заставит всех задуматься над ее перспективами, реализация которых, безусловно необходимая – несмотря на сложившуюся в нашей профессии неблагоприятную обстановку –, зависит от совместных усилий русистов разных направлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н.Д. 1990, Речь. В кн.: Ярцева, В.Н. (гл. ред.) *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 414–416.
- Мельчук, И.А. 1995, *Русский язык в модели "Смысл→Текст"*. Москва-Вена: Школа "Языки русской культуры", Венский славистический альманах.
- Папп, Ф. 1968, Формальный синтаксис. В кн.: Папп, Ф. (ред.) *Курс современного русского языка*. Budapest: Tankönyvkiadó, 425–560.
- Хомский, Н. 1995–1996, Язык и проблемы знания. *Вестник Московского университета, сер. 9: Филология* № 4, 131–157; № 6, 110–134; № 2, 103–121; № 4, 133–162.
- Dippong, H. 1995, COMP, INFL, die Fintheit von *чтобы*+Infinitiv und die Infinitheit von *чтобы*+1-Form des Verbs. In: Junghanns, U. (Hrsg.) *Linguistische Beiträge zur Slawistik aus Deutschland und Österreich: II. JungslavistInnen-Treffen, Leipzig, 1993*. Wien, 51–74. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 37.)
- Fehrman, D. – Junghanns, U. 1995, 1. Europäische Konferenz "Formale Beschreibung slavischer Sprachen". *Wiener Slawistischer Almanach* 36. Wien, 259–265.
- Franks, S. 1995, *Parameters of Slavic morphosyntax*. Oxford: OUP.
- Grenoble, L.A. 1995, Future directions in Slavic linguistics. *Journal of Slavic Linguistics* 3, 1–12.
- Hunyadi, L. 1991, The invariant structure of the Russian sentence. In: Hunyadi L. – Klau-dy K. – Lengyel Zs. – Székely G. (szerk.) *Könyv Papp Ferencnek: tanulmánygyűjtemény Papp Ferenc 60. születésnapjára* [Сборник статей в честь 60-летия Ференца Паппа]. Debrecen: KLTE, 37–44.
- Junghanns, U. 1995, Funktionale Kategorien im russischen Satz. In: Junghanns, U. (Hrsg.) *Linguistische Beiträge zur Slawistik aus Deutschland und Österreich: II. JungslavistInnen-Treffen, Leipzig, 1993*. Wien, 167–203. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 37.)
- Kiefer F. 1996, Értékelhető-e a nyelvtudomány [Можно ли оценить языкознание]? *Magyar Tudomány* XLI, 55–68.
- Kornai A. – Kálmán L. 1991, Nemzeti nyelv – nemzetközi tudomány [Национальный язык – международная наука]. *Nyelvtudományi Közlemények* 92, 147–156.

- Lehfeldt, W. 1995, Русистика сегодня № 1/94, Москва, Отделение литературы и языка Российской академии наук. Институт русского языка РАН, 1994, 144 стр.
Russian Linguistics 19, 391-395.
- Petuhova T. *Magyar-orosz közgazdasági szótár* [Венгерско-русский экономический словарь]. Budapest: Aula, 1994.
- Růžicka, R. 1980, *Studien zum Verhältnis von Syntax und Semantik im modernen Russischen*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Yokoyama, O.T. 1994, Slavic linguistics as a discipline and an occupation in the United States. *Journal of Slavic Linguistics* 2, 186-200.

Károly Bibok

(Bibok Károly, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
 H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.
 e-mail: kbibok@lit.u-szeged.hu)

István Nyomárkay, Sprachhistorisches Wörterbuch des Burgenlandkroatischen. Budapest-Szombathely: Znanstveni institut gradišćanskih Hrvatov – Akadémiai Kiadó – Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola, 1996, 424 pp.

Книга Иштвана Нёмаркаи представляет собой исторический словарь регионального литературного языка хорватов, переселившихся в XVI веке из хорватских областей в Северо-западную Венгрию, а ныне проживающих на территории трех стран: большей частью в восточной Австрии, в области Бургенланд (Burgenland), в Северо-западной Венгрии, в областях Дьёр-Шопрон (Győr-Sopron megye) и Ваш (Vas megye), а также в нескольких селах Юго-западной Словакии, около нынешней Братиславы (Pozsony – Пожонь, Preßburg). (Карту с обозначением местностей населенных хорватами, принадлежавшими к упомянутой этнической группе, см. Neweklow-sky 1989: 19–20.) Упомянутые области до 20-х годов нашего века не имели собственного географического названия, а с того времени начали употреблять название *Бургенланд*, которое хорваты перевели как *Градишче* (Gradišće). От этого названия области образовался этноним "хорваты в Градишче", т.е. *gradišćanski Hrvati, burgenländische Kroaten*. Географическое название *Бургенланд* в составе этнонима следует понимать шире, чем топоним *Бургенланд*.

Предки бургенландских хорватов прибыли из разных областей Хорватии, поэтому среди них находим носителей всех трех наречий хорватского языка, т.е. чакавского, штокавского и кайкавского наречий. Несмотря на различия диалектальной основы, у бургенландских хорватов литературный язык образовался на основе чакавского наречия, и этот общий, т. н. региональный литературный язык является одной из самых важных этнических черт упомянутой группы хорватов. Самые старинные памятники письменности у бургенландских хорватов датируются шестнадцатым веком (1564, 1568), и их своеобразный региональный литературный язык успешно сопротивлялся всем тенденциям, угрожавшим его сохранению – германизации, мадьяризации, словакизации, а также и сербохорватизации.

Основное научное произведение об этой письменности, которое вероятно повлияло на всех последующих исследователей – это монография академика Ласло Хадровича *Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert* (Hadvovics 1974). В нынешнее время региональный литературный язык бургенландских хорватов находится на этапе возрождения: наблюдается обдуманная, систематическая работа над нормативизацией (стандардизацией) регионального литературного языка, чтобы он действительно мог выполнять все функции современного европейского языка, сохранить свои традиционные ценности, но в то же время и корреспондировать с литературным хорватским языком. С этой целью появляются публикации, статьи и монографии о прошлом и настоящем этого регионального литературного языка, изданы и трехязычные нормативные словари, в которых лексические соответствия даются на немецком, бургенландском хорватском и литературном хорватском языках.

Иштван Нёмаркаи ставил перед собой задачу составить словарь бургенландского хорватского языка по памятникам, написанным или напечатанным в течении трех веков (1611–1908). В словарь входит и лексика памятников, охваченных монографией Л. Хадровича, но автор и по числу, и по тематике значительно расширил круг изучаемых текстов. Рассмотрено 66 библиографических единиц, по большей части книг, между которыми самыми многочислен-

ными оказались книги религиозного содержания, но есть и немало таких, которые отражают повседневную лексику, а также лексику определенных областей науки, напр. географии, физики, математики, истории (правда, судя по списку, только на уровне учебников, в большинстве переводных). В состав изученных произведений входят и сборники народных песен.

Словарные статьи построены следующим образом: наряду с лексическими единицами приводятся и возможные варианты (напр. *advokat – advokatuš*), а по необходимости и формы, которые содержат нужные сведения о склонении или спряжении данных слов, а также и о чередованиях, имеющих место в них. После этого дается информация о том, какой части речи принадлежит данная лексическая единица; у существительных определяется род, а у глаголов вид. Значения слов приводятся на немецком языке. После значений находим обычно по несколько примеров употребления данных слов: приводятся отдельные синтагмы или по необходимости и целые предложения из разных текстов. Число примеров, по-видимому, определяется частотой употребления слов, а также и структурой, сложностью их значения. По словарным статьям составлен и обратный словарь, который размещен в конце издания.

Составление исторического словаря бургенландского хорватского языка имеет огромное значение как для общей славистики, так и для хорватистики. Собранный лексический материал охватывает великую часть письменного наследства бургенландских хорватов; и эта лексика благодаря изданию словаря стала доступной для широкого круга исследователей. Материалы словаря, вероятно, будут доставлять и некоторые новые данные о происхождении бургенландских хорватов; ведь этот вопрос – в области языкознания – до тех пор решался в первую очередь на основании данных фонетики и фонологии. Лексический материал словаря, как можно ожидать, внесет свой вклад и в изучение влияний, которым столетиями подвергался язык бургенландских хорватов. Поскольку словарь изобилует примерами из текстов, которые возникли в разные века, разные влияния и внутренние инновации можно проследить и по эпохам. Примеры, которые в словаре приводятся с целью иллюстрации значений, дают возможность изучать не только отдельные лексемы, но

и их управление, а также и способ составления выражений, употребление лексем в фразеологизмах и т.д. Сличение материалов словаря с лексическим материалом нормативных словарей бургенландского хорватского языка освещает очень интересные тенденции, имеющие место в новейшее время в формировании этого регионального литературного языка. Из любопытства я проверила, какие единицы исторического словаря не представлены в нормативном словаре бургенландского хорватского языка (А-С, стр. 1-24). Как и можно было ожидать, исчезли многие, и иначе редкие слова, как напр. *babak*, *bumbak*, *bunika*. Ослабление влияния венгерского языка у большинства бургенландских хорватов повлекло за собой исчезновение некоторых слов венгерского происхождения, или образованных от венгерского корня, напр. *ajandek*, *aldovnik*, *banovati se*, *banta*, *batriv*, *batrivnik*, *betežljivati*, *bušitovati*. Интересно, что при этом исчезли не все слова от данных корней, напр. и в нормативном словаре находим *aldov*, *aldovanje*, *aldovati*, *aldovni*, *bantovati/zbantovati*, *batrenje*, *batritelj*, *batriteljica*, *batriti*, *beteg*, *betežan*, даже и *betežljiv*, которого нет в историческом словаре. Судя по материалам исторического словаря и нормативных словарей, в языке бургенландских хорватов произошло (происходит) сближение с литературным хорватским языком, которое проявляется на разных уровнях. В историческом словаре кроме икавских форм находим и экавские (*beli*, *belanac*, *belina*, *bled*, *blediti*, *bledovit*, *bledost*, *cel*, *cepnica*, *cvetak*), что отражает положение в бургенландских хорватских говорах. Нормативный бургенландско-немецко-хорватский словарь вместо экавских форм предлагает (и)йекавские, напр. *bijel(i)*, *bjelance*, *bjelina*, *blijed*, *blijediti*, *blijednost*, *ci-jeli*. (Нередко параллельно с ними предлагаются и икавские формы, напр. *bil*, *bilina*, *blid*.) Среди бургенландских хорватских говоров нет (и)йекавских (ср. Neweklowsky 1977: 213-214): ясно, что мы имеем дело с стремлением сохранить и развить корреспонденцию между литературным хорватским и региональным литературным языком бургенландских хорватов. Этим же стремлением объясняется и тот факт, что слово со значением 'ангел' и образованные от него слова, которые в историческом словаре встречаются только с *-l* в конце слова или слога (*andel*, *andelski*, *arhandel*, *nadandel*) в нормативном словаре находим только с *-o* (*andeo*, *andeoski*, *arhandeo*). На основе

беглого просмотра данных обратного и нормативного словарей можно утвердить, что нормативный словарь и в других случаях вместо форм на *-l* предлагает формы на *-o* (*pa^o*, *dava^o*, *ora^o* вм. *pa^l*, *daval*, *oral*). Это стремление в первую очередь является результатом обдуманной работы лингвистов (ср. Benčić 1993: 46).

Изданием исторического словаря бургенландского хорватского языка лексика этого регионального литературного языка стала доступной для исследований по разным аспектам. Но не только для исследований. Как подчеркнул в предисловии Иштван Нёмаркаи, словарь может оказать помощь лингвистам в работе над стандардизацией бургенландского хорватского языка, представляя собой чистый источник для обогащения языка. Некоторые слова, выражения, вероятно, могут спастись от забвения. Словарь оказывает огромную помощь и ученым, изучающим духовное и литературное наследие бургенландских хорватов, а также и всем, кто интересуется этим наследием. Словарь будет очень полезным пособием и для тех студентов хорватистики и славистики, которые не забыли, что для изучения средневропейских культур необходимо владеть и немецким языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Benčić, N. 1993, Mjesto gradišćanskohrvatskoga u standardnom jeziku. *Studia Slavica Sava-riensia* № 2, 40–48.
- Hadrovics, L. 1974, *Schrifttum und Sprache der Burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Neweklowsky, G. 1977, Градишћанско-хрватски говори у оквиру српскохрватске дијалектологије (Порекло градишћанских Хрвата). *Научни састанак слависта у Букове дане: Реферати и саопштења* св. I. Београд, 213–222.
- Neweklowsky, G. 1989, *Der kroatische Dialekt von Sünatz: Wörterbuch*. Wien. (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 25.)

Агнеш Каџиба

(Kacziba Ágnes, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

О.В. Творогов (отв. ред.), *Энциклопедия "Слова о полку Игореве"*. Т. 1-5. СПб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 1995, 275 с., 333 с., 386 с., 329 с., 398 с.

Пятитомная *Энциклопедия "Слова о полку Игореве"* представляет собою один из крупнейших трудов, изданных в России в последние годы. Она является долгожданным итогом исследований почти двух столетий, проведенных по жемчужине древнерусской литературы. В нее внесли свой клад не только русские ученые, но и украинские, белорусские, датские и немецкие. Она является продолжением книги *"Слово о полку Игореве" в литературе, искусстве, науке*, изданной в 1989 г. Однако она не является простой глоссарией этого замечательного произведения, так как эта задача уже решена *Словарем-справочником "Слова о полку Игореве"* (сост.: В.Л. Виноградова, вып. 1-6, вып. 1: М.-Л., вып. 2-6: Л., 1965-1984), как это указано в ее предисловии. *Энциклопедия* предназначена для широчайшего круга интересов, к ней могут обратиться представители разных профессий: литературоведы, лингвисты, этнографы, фольклористы, византинисты, востоковеды, туркологи, историки и преподаватели. *Энциклопедия* дает полную картину понятий литературоведческих, лингвистических, религиозных, этнографических, общественных и др. Она знакомит нас с учеными, художниками, писателями, поэтами, их научными трудами, произведениями, занимающимися *Словом* или имеющими какую-то связь с ним. В ней широко представлены исторические имена, исторические события, географические названия, предметы, растения, животный мир, важные вопросы, толкования "темных мест" и не вполне выясненных слов, которые каким-то образом связаны с *Словом*.

После "Предисловия" помещен текст произведения, в основе которого лежит издание 1800 г. с некоторыми исправлениями. Если бы он (текст) был напечатан древнерусскими (или старославянскими) буквами, он имел бы еще большую выразительную силу. К тексту приложены примечания. После этого следуют статьи *Энциклопедии*, расположенные в алфавите заглавных слов, а также к каждой статье приложена библиография. В конце каждого тома находятся списки основных сокращений, аббревиатур, сокращений названий

периодических и серийных изданий, списки сокращений литературы в библиографических описаниях. К последнему же тому приложены дополнения, карты, именной, географический и предметно-терминологический указатели.

Статьи *Энциклопедии* можно разделить на две группы, как об этом пишется и в самом предисловии (4 с. 1 тома). Первую группу образуют статьи общего характера, как напр.: *Автор "Слова"*, *Время создания "Слова"*, *Изучение "Слова"* и т.д. Вторая же группа состоит из статей, занимающихся самим текстом *Слова*, его композиционными фрагментами, языком и поэтикой. Таковы напр.: *Плач Ярославны*, *Лексика "Слова"*, *Ориентализмы в "Слове"*, *Символы в "Слове"* и др. *Энциклопедия* стремится воспроизвести культурный фон; дух и исторические события времени написания *Слова*. Большим ее достоинством является краткая характеристика жизненного пути и деятельности ученых, занимающихся этим произведением Древней Руси. Среди них находятся и такие ученые, о которых до сих пор имелись довольно скудные сведения. В *Энциклопедии* даются также сведения о влиянии *Слова* как в древнерусской литературе, так и в творчестве писателей и поэтов.

После очертания построения и краткого обзора содержания *Энциклопедии* мы перейдем к некоторым замечаниям, возникшим в нас при ее чтении, но не уменьшающим ее достоинства, а также будем давать более подробную характеристику нескольких статей, вызывающих интерес со стороны исторического языкознания. По нынешней обстановке изучения *Слова* не может быть и речи о вопросе его оригинальности. Но с точки зрения его истории было бы нелишним интереса собрать мнения pro и contra, а также собрать под одной статьей доводы, при помощи которых была доказана оригинальность *Слова*.

Слово известно во всем мире, прежде всего, как выдающееся произведение древнерусской литературы, но не следует пренебрегать и тем, что оно одновременно является одним из ценнейших источников для истории русского, украинского и белорусского языков. Глазами историков языка объем лингвистических статей *Энциклопедии* может казаться небольшим. Разумеется, что главной задачей *Энциклопедии* не может считаться полный охват и объяснение всех лингвистических явлений, но в *Слове* имеются некоторые морфоло-

гические и фонетические явления, заслуживающие упоминания несмотря на, по всей вероятности, заранее определенный объем данных статей. Так, статья *Морфологические особенности языка "Слова"* (т. 3, с. 273–276), написанная В.В. Колесовым в довольно сжатом виде, дает общую характеристику морфологии *Слова*, а также знакомит нас и с историей морфологических особенностей *Слова*. После общих статистических сведений о морфологических особенностях *Слова* следует более детальное их описание, основанное в общих чертах на труде С.П. Обнорского. Тут обсуждаются формы склонений и спряжений, система времен, употребление падежных форм, также согласование. Затем даются работы, занимающиеся формальными особенностями самого текста, функционально-стилистическим анализом текста, которые могли доказать "органическую цельность текста" и указать на то, что "*Слово* действительно отражает уровень сознания людей эпохи раннего средневековья" (с. 275). Наше замечание мы хотели бы сделать по поводу глагольной формы 1 л. мн. ч. наст. вр. *мужанимѣся* (с. 27), не получившей места в статье. Эта форма упоминается в *Словаре-справочнике "Слова о полку Игореве"* (вып. 3, с. 115), где приводятся объяснения А.И. Смирнова и О. Огоновского. Первый ученый эту форму считает опiskой, а второй принимает ее за окончание 1 л. мн. ч. на *-ме*, которое уживается у русинов угорских и лемков. Н. Каринский (1909: 193) ссылается на *Лекции по истории русского языка* А.И. Соболевского, принимающего это окончание за псковскую особенность. М.А. Соколова (1962: 191–192) тоже видит тут флексию *-ме*, присущую в первую очередь северным (псковским и новгородским) памятникам. Следовательно, эта форма могла бы играть какую-то роль при локализации возникновения списка *Слова*, как указала на это М.А. Соколова.

Переходя к статье *Фонетика "Слова"* (т. 5, с. 170–173), написанной В.В. Колесовым, мы и тут собираемся сделать небольшое замечание. В ней дается краткая история изучения фонетики *Слова* и обзор главнейших проблем, связанных с ее изучением. Здесь мы хотели бы обратить внимание на форму, не упомянутую в статье, а именно: *шизѣмь* (с. 3), хотя она указана в *Словаре-справочнике "Слова о полку Игореве"* (вып. 6, с. 181–182). Несмотря на то, что эта

форма вызывает споры и может подвергаться сомнению, она могла бы иметь какое-то значение при определении места возникновения списка или переписывания *Слова*. Мену *ш* и *с* Н. Каринский (1909: 178) считает характерной для псковских памятников, и она встречается "почти во всех псковских рукописях". Мы считали бы желательным привести некоторые формы, указывающие на цоканье: *лүце* (с. 5), *галици* (*стады*) (притяжательное прилагательное, твор. п. мн.) (с. 7), *вѣчи* (с. 14) и др. Все эти формы включены в состав *Словаря-справочника "Слова о полку Игореве"* (вып. 3, с. 70–71; вып. 1, с. 155; вып. 1, с. 95–96). Они тоже могли бы иметься в виду при локализации *Слова*. Разумеется, когда мы пытаемся привлечь вышесказанные формы ко вниманию, мы не упускаем из виду возможности, что они появились при переписках текста *Слова*.

Теперь мы переходим к статье *Лексика "Слова"* (т. 3, с. 138–144), написанной тоже В.В. Колесовым. В рамках пяти страниц она содержит самые важные моменты лексики *Слова*, но кроме этого она рассматривает и такие проблемы, как прочтение "темных мест", место написания *Слова* и др., а также она отмечает нынешние (в известной мере и будущие) задачи, связанные с лексикой *Слова*, как напр. обобщающие исследования культурологического характера и поэтики, а также синтетическая реконструкция звучащего текста. С лексикой *Слова* связана и статья *Яруга* (т. 5, с. 297–299), написанная А.Г. Бобровым, к которой мы хотели бы добавить, что это слово имеется и в венгерском языке (*árok*) и оно тоже считается тюркским заимствованием (TESz. I: 179–180).

Предполагая грядущую популярность *Энциклопедии*, мы считаем огорчающим моментом ее небольшой тираж (5000). После ее появления в свет, по нашему мнению, невелико будет число работ, посвященных *Слову о полку Игореве*, которые могли бы обойтись по крайней мере без одной ссылки на нее. Подытоживая наши мысли, мы можем высказать, что *Энциклопедия* несомненно будет являться полезным достоянием не только библиотек кафедр русского, украинского, белорусского языков или славянской филологии, но также может обогатить домашние библиотеки представителей других профессий и интересующихся культурой и историей средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Каринский, Н. 1909, *Язык Пскова и его области в XV веке*. СПб.

Соколова, М.А. 1962, *Очерки по исторической грамматике русского языка*. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

TESz. I – *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I: A–Gy*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967.

Иштван Пожгаи

(*Pozsgai István, JATE, Szlav Filológiai Tanszék*

H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Károly Gadányi, The evolution of literary Slovenian. Melbourne: Academia Press, 1996, 322 pp.

Книга известного венгерского слависта Кароя Гадани посвящается вопросам возникновения лексики современного словенского языка. Этот вопрос имеет довольно значительную литературу, однако рецензируемая книга Кароя Гадани является первым обобщающим трудом в этой области.

Словенский язык не принадлежит к тем славянским языкам, на котором говорит большое число людей. Однако – несмотря на это обстоятельство – словенский язык выделяется из славянских языков некоторыми своими особенностями: своим архаизмом (сохранение и развитие двойственного числа), переходным характером к западнославянским языкам (особенно на диалектном уровне), значительной диалектной раздробленностью, богатством (по мнению некоторых ученых в нем можно выделить 57 диалектов). Эти особенности обеспечивают словенскому языку специальное положение среди славянских языков, и одновременно указывают на то, что образование словенского литературного языка и его словарного состава несомненно было довольно сложным процессом.

Известно, что на территории исторической Венгрии имелось значительное число словенцев, которые говорили на восточном диалекте словенского языка. На основе народных говоров развился своеобразный региональный литературный язык, служащий прежде

всего религиозным целям. Венгерские ученые уделили специальное внимание изучению словенских диалектов и словенскому региональному языку (Я. Мелих, А. Павел, И. Нёмаркаи и др.). Однако книга Кароя Гадани идет дальше в изучении словенского языка; автор изучает словенский язык на более высоком уровне, детально описывая возникновение словарного состава словенского литературного языка.

Удачное решение этой задачи требует разработки специального метода. Кароя Гадани характеризует социолингвистический метод, который сочетается с изучением интралингвистических, интерлингвистических и экстралингвистических факторов образования словарного состава современного стандартного словенского языка. Учет экстралингвистических факторов можно иллюстрировать не только изучением лингвистических контактов между славянскими литературными языками. Автором книги особенно сильно подчеркивается т.н. австрославянский культурно-исторический квази-ареал (АСQ), под которым он понимает обстоятельства культурно-лингвистического развития и интеракции славянских этнических единиц, проживающих на территории Австрийского государства (с. 2). АСQ был ареалом, на котором осуществлялась и интеракция с другими славянскими литературными языками, бытовавшими за пределом Австрийской Монархии. Что касается временных границ исследования Кароя Гадани, они охватывают прежде всего период "национального ренессанса" славянских народов, т.е. период между 1820–1870 годами XIX в. Конечно, автор обращает свое внимание на более ранние моменты, а именно на начало образования словенского литературного языка, на эпоху Реформации, подчеркивая сходство, существующее между эпохами возникновения словенского и немецкого литературных языков. Карой Гадани, руководствуясь этими принципами и методами, разделяет материалы на пять глав, которые носят следующие названия:

Глава 1-ая: Межславянские лингвистические контакты и история славянских национальных языков: новые подходы к их описанию (с. 1–56). Глава 2-ая: Историко-культурные предпосылки образования словенского национального литературного языка (с. 57–103). Глава 3-я: Словарный состав литературного словенского язы-

ка: его структура и происхождение (с. 104–141). Глава 4-ая: Адаптация славянских заимствований в литературном словенском языке (с. 142–151). Глава 5-ая: Новые явления в словенском словообразовании в эпоху национального возрождения (с. 152–170). Выводы (с. 172–181). Перечисленным главам предшествует предисловие проф. Иштвана Нёмаркаи и введение, написанное автором монографии (с. VI–XVI). В конце монографии помещены два приложения.

Центральное место рецензируемой монографии занимает 3-я глава, в которой автором рассматриваются следующие вопросы: утилизация архаической лексики у словенских авторов XIX в., словено-хорватские лингвистические отношения в XIX в., проблемы социально-политической лексики внутри рамок словено-сербо-хорватских лингвистических интеракций, словено-чешские лингвистические контакты во время национального возрождения, венгерские элементы в словенской литературной лексике. Чтобы показать методы, использованные автором и достигнутые им результаты, мы коротко остановимся на вопросах венгерских элементов в словенском литературном языке. Исходным пунктом автора является тезис о том, что влияние венгерского языка на (стандартный) словенский словарный состав является незначительным. Однако этот тезис нуждается в некоторой поправке, если мы учтем восточные словенские диалекты. В этих диалектах, на кайкавской хорватской территории (Кроатское Загорье), и в штокавских диалектах Славонии и Воеводины имеются значительные по числу заимствования из венгерского языка. Особенно заметным является влияние венгерского языка в замурских диалектах словенского языка, представители которых больше 1000 лет входили в состав исторической Венгрии (с. 136–137). К этому высказыванию автора следует добавить, что в замурских диалектах словенского языка – как на это было указано А. Павелом – влияние венгерского языка не ограничивается только уровнем лексики. Влияние венгерского языка на стандартный словенский язык невозможно сравнить с влиянием других неславянских языков (немецкого, латинского и итальянского).

В составе лексики словенского литературного стандарта автор выделил около 10-ти "чисто" венгерских заимствований: *cula* (< *cula*), *čunka* (< *csúnya*), *gumb* (< *gomb*), *hasek, hasniki* (< *haszon*), *kinč*

(< *kins*), *kip* (< *kép*), *šantati* (< *sánta*), *orjak* (< *óriás*). Через венгерское посредничество вошли в словенский состав и немецкие (*beteg*, *betežen* 'больной', *soba* 'комната') романские (*forint* 'форинт', *pajčolan* 'материал для одежды') элементы.

Особенно интересными являются случаи **обратного заимствования**, когда через венгерское посредничество проникают в словенскую лексику такие слова, которые в венгерском языке являются славянскими по своему происхождению: *brat* 'брат, монах', *kundra* 'кудрявый', *vajda* 'воевода' и пр.

Что касается венгерских заимствований, слово *orjak* 'гигант' было бы более уместно поместить в списке обратных заимствований, так как это слово в венгерском языке – по убедительному мнению академика Л. Хадровича – является заимствованием из древнерусского языка. Карой Гадани приводит большой материал о венгерских заимствованиях из восточнословенских диалектов (*čunta* 'кость' < *csont*, *ruham* 'штурм' < *roham*, *mešter* 'мастер' < *mester*). Среди этих слов особого внимания заслуживает числительное *jezero* '1000' < *ezer*, так как – по нашему наблюдению – оно известно из рукописей закарпатского происхождения (*езер*, *езера*).

Что касается истории венгерских заимствований в словенском и кайкавском хорватском языках, Карой Гадани подчеркивает, что заимствование из венгерского языка было начато в более раннюю эпоху, особенно в XVI в. или еще раньше (с. 140).

Мы рассмотрели эту главу как образец удачного, научного подхода автора к поднятым вопросам в изучении развития и кристаллизации словенского словарного состава. Глубина и многосторонность, убедительная аргументация, тщательная и добросовестная трактовка составляют не только ценность рассмотренной нами главы, но являются характерными особенностями всей монографии Кароя Гадани, которая несомненно представляет собой ценный вклад в изучение словенского языка.

Подводя итоги наших наблюдений о рецензируемой книге, можем сказать следующее. Содержание книги, методы, использованные Кароем Гадани, показывают, что он осуществил свою исследовательскую программу на высоком научном уровне и своим трудом обогатил как международную, так и венгерскую научную литературу.

ру о славистике. Книга выделяется не только интересными методическими положениями, но и ценными конкретными наблюдениями, выводами автора, которые обеспечивают монографии Кароя Гадани значительное место не только в словенистике, но и в славистике. Книга может быть полезным источником и для представителей других специальностей.

Имре Х. Том

*(Н. Tóth Imre, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*